

Научная статья

УДК 81'367 + 81'37

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-337-360

**Существование как компонент семантики
и коммуникативной парадигматики
бытийных предложений**

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Рассматривается термин «существование» и его роль при описании семантики и коммуникативного варьирования бытийных предложений. Существование является имплицитным компонентом плана содержания широкого круга высказываний, среди которых заметное место занимают высказывания, репрезентирующие бытийное предложение. Формирование таких высказываний может рассматриваться как один из аспектов коммуникативной парадигматики, отличный от варьирования актуального членения. Предложенная в статье классификация основных типов коммуникативных вариантов бытийных предложений показывает непоследовательность употребления термина «существование» при описании материала разных языков.

Ключевые слова

существование, местонахождение, бытийная пропозиция, бытийная типовая синтаксическая структура, коммуникативный синтаксис, семантический синтаксис, прагматика

Для цитирования

Плотников И. М. Существование как компонент семантики и коммуникативной парадигматики бытийных предложений // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 337–360. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-337-360

© Плотников И. М., 2024

Existence as a Component of Semantics and Communicative Paradigmatic of Existential Sentences

Ilya M. Plotnikov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

This paper examines the use of the term *existence* in describing semantics and communicative variation of constructions expressing spatial relations.

In the first part of the paper, the semantic status of existence is examined, arguing that the senses of existence, contrary to current tradition in Russian linguistics, can be considered separately from the sense of spatial relations.

In the second part of the paper, existence is shown to be an obligatory implicit component of all utterances describing specific objects, which can manifest itself as existential presupposition or part of the assertion. In the latter cases, existence can be viewed as one of the components of communicative variation of sentence as a linguistic unit, secondary to its primary meaning.

In the third part of the paper, this approach to notion of existence is applied to the analysis of the syntactic structures that expresses spatial relations. A list of main communicative variants of this structure is examined to demonstrate that in every variant the existence of its subject can be represented as a given or new piece of information to the addressee. Three main senses in which *existence* and *location* are attested in describing these variants are discussed, including a purely semantic approach, an approach based on the position of rheme in functional sentence perspective, and an approach based on formal variants of the structure. All three approaches lead to different way of categorizing communicative variants while using the same terms, making their use for typological application difficult.

Keywords

existence, location, existential proposition, typical syntactic existential structure, communicative syntax, semantic syntax, pragmatics

For citation

Plotnikov I. M. Existence as a Component of Semantics and Communicative Paradigmatic of Existential Sentences. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 337–360. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-337-360

Задачей настоящей статьи является анализ существования как содержательного компонента бытийных предложений, выявление проблем, связанных с употреблением этого термина, и рассмотрение путей их решения, которые будут способствовать системному и последовательному описанию плана содержания, плана выражения и коммуникативного варьирования соответствующих синтаксических единиц в разных языках. Рассуждения строятся с опорой на проведенный нами анализ коммуникативного функционирования бытийно-пространственных предложений в сургутском диалекте хантыйского языка [Плотников, 2023] и аналогичные исследования, проведенные на материале русского языка [Адамец, 1966; Ковтунова, 2002; Арутюнова, Ширяев, 1983; Янко, 2001] и тюркских языков Южной Сибири [Серээдар и др., 1996].

Настоящая работа выполнена в рамках отечественной традиции моделирования структуры и семантики предложения, сформировавшейся под влиянием лингвистического структурализма и нашедшей отражение в работах Т. П. Ломтева, Н. Ю. Шведовой, В. А. Белошапковой, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмелевой и др. Продолжателями этих традиций являются представители новосибирской синтаксической школы, в частности М. И. Черемисина и Н. Б. Кошкарёва. Теоретическую основу этой школы составляет представление об элементарном простом предложении как языковом знаке, образуемом, с одной стороны, формальной организацией предложения, выраженной в его структурной схеме, и, с другой стороны, его семантикой, описываемой пропозицией. Более сложные единицы формируются путем варьирования плана содержания и плана выражения предложения, отражающего асимметрический дуализм предложения как языкового знака и его внутреннюю парадигматику.

1. Существование с точки зрения синтаксической семантики

Рассмотрим возможность использования термина «существование» при описании плана содержания предложения. Мы исходим из того, что значение существования содержится в ряде следующих высказываний:

- (1.1) Единороги существуют.
- (1.2) Гомер существовал.
- (1.3) Я существую.
- (1.4) Существует два вида пропозиций.
- (1.5) Существуют кошки с голубыми глазами.
- (1.6) В шкафу есть книга.

- (1.7) У меня есть книга.
(1.8) У меня есть брат.
(1.9) У меня есть идея.

Н. Д. Арутюнова [1976] называет такие высказывания бытийными и рассматривает их как способ выражения отношения экзистенции. В структуре предложенных примеров однозначно вычлняются два содержательных компонента, имеющих отношение к существованию: субъект (экзистенс) – предмет, существование которого утверждается (часть высказывания, в которой назван этот компонент, выделена подчеркиванием), и экзистенциальный предикат, отражающий существование как одно из свойств субъекта.

Н. Д. Арутюнова выделяет третий компонент существования – локализатор, описывающий фрагмент мира, к которому относится существование [Там же, с. 210]. Среди рассматриваемых нами высказываниях локализатор выражен эксплицитно только в (1.6). Именную группу *у меня* в (1.7)–(1.9) мы, в соответствии с традициями семантического подхода к синтаксису, рассматриваем как способ выражения одного из участников описываемых высказыванием отношений, в отличие от Н. Д. Арутюновой, анализирующей их как способ выражения области бытия, отражающей человека как психическую личность или его внешний микромир [Там же, с. 234–257].

Высказывания типа (1.1)–(1.5) Н. Д. Арутюнова относит к типу бытийных предложений, в которых в качестве области бытия выступает весь мир [Там же, с. 264]. Необходимость выделения в них локализатора, во-первых, возникает как следствие исходного выбора модели описания, в которой любое существование должно соотноситься с областью бытия, и, во-вторых, мотивировано возможностью восстановления в таких высказываниях компонентов типа *в мире, на свете*. Несмотря на формальное сходство с локализаторами, такие компоненты являются способом выражения отношения предмета к реальности, которое в данном случае концептуализируется посредством пространственных отношений. Таким образом, по нашему мнению, вполне допустима интерпретация высказываний (1.1)–(1.5) как существования, для которого категория пространственности не актуальна.

Таким образом, локализатор как компонент существования может однозначно быть выделен только в высказывании (1.6). Однако, если отказаться от принципа обязательного выделения локализатора при описании существования, такие высказывания могут быть проанализированы как

сочетающие два вида значений – существования и пространственной локализации – точно так же, как высказывания (1.7)–(1.9) сочетают значения существования с разными видами отношений, в которых находится существующий предмет. В таком случае эти высказывания могут быть представлены в развернутом виде следующим образом:

(1.6) *В шкафу есть книга = Существует книга, которая находится в шкафу.*

(1.7) *У меня есть книга = Существует книга, которая принадлежит мне.*

Проявляющаяся в этих высказываниях необходимость сочетания существования с другими видами значений является результатом его коммуникативной недостаточности. Для бытовой речи не характерно подвергать сомнению существование конкретного класса распространенных в рассматриваемой реальности предметов (например, книг), и, соответственно, единичных объектов, репрезентирующих этот класс, вследствие чего высказывания типа *Существует книга* не несут новой информации и коммуникативно нецелесообразны. Для того чтобы высказывание было информативным, необходимо указание на характерные свойства рассматриваемого предмета, позволяющие выделить его на фоне класса однородных предметов и делающие нетривиальным утверждение о существовании предмета, обладающего такими свойствами. В качестве таких свойств могут потенциально выступать любые формы характеристики предмета или событий и отношений, в которых задействован предмет. Некоторые из них и представлены в примерах (1.4)–(1.9). Отсутствие конкретизаторов существующего предмета уместно тогда, когда известно, что существование класса предметов подвергается сомнению (1.1), или используется имя собственное, за которым стоит комплексное представление о том, какими свойствами обладает данный объект (1.2).

Между существованием и пространством наблюдается более тесная связь, чем с другими формами конкретизаторов. Эта связь обусловлена возможностью рассматривать следующее утверждение как общее правило организации физического мира: если конкретный физический предмет существует, то из этого, как правило, следует, что в каждый момент времени предмет находится в какой-то области пространства. В связи с этим пространственные отношения являются наиболее естественным способом конкретизации существования физических предметов. Однако это не исключает возможности ситуаций, в которых пространственные отношения

не рассматриваются как релевантные для формирования представления о предмете, как, например, в (1.7) и (1.8).

Предложенная здесь концепция существования идет вразрез с традицией описания существования как разновидности бытийно-пространственной пропозиции, которая отражает комплекс ситуаций, связанных с отношениями, возникающими между предметами в пространстве [Шмелёва, 1988, с. 15–16]. По нашему мнению, существование представляет собой самостоятельный содержательный компонент, находящийся в сложной взаимосвязи с пространственными отношениями, но отделимый от них и свободно сочетающийся с другими типами значений (1.4)–(1.9). Высказывания (1.1)–(1.3) показывают, что значение существования может быть основным компонентом плана содержания законченного высказывания. Исходя из этого, мы считаем возможным рассматривать существование как одну из разновидностей статальной пропозиции, в которой в роли предиката выступает существование как первичное состояние, отражающее функционирование субъекта как целостного предмета действительности, который может в ней каким-то образом проявляться и быть доступен для восприятия. В таком случае эта разновидность статальной пропозиции может быть использована при анализе плана содержания других предложений, связанных с существованием, в частности предложений, обозначающих фазы существования предмета (*появиться, родиться, исчезнуть, умереть*), и акциональных предложений со значением каузации существования и несуществования (*создать, уничтожить*).

2. Способы выражения существования

Эксплицитными способами выражения существования являются высказывания типа (1.1)–(1.3), которые отражают его семантическую структуру, а также высказывания типа (1.4) и (1.5), представляющие собой результат расширения той же модели предложения. Однако более важным для нашей статьи являются формы функционирования существования, не определяемые непосредственно моделью предложения и ее лексическим наполнением, которые репрезентированы примерами (1.6)–(1.9).

Существование неразрывно связано с представлением о конкретных предметах как участниках описываемых в речи ситуаций и потому, несмотря на то что редко выражается в них эксплицитно, является обязательным содержательным компонентом многих типов высказываний. Для того чтобы адресат мог интерпретировать высказывание как содержащее суждение о некотором конкретном предмете действительности, необходи-

мо, чтобы адресат имел представление о существовании такого предмета. Это достигается одним из двух путей.

Во-первых, говорящий может исходить из того, что предметы, о которых говорится в высказывании, известны адресату, и организовывать свою речь таким образом, чтобы адресат мог сопоставить описываемые в речи предметы с предметами, о существовании которых он уже имеет представление. Одним из способов формирования таких высказываний является употребление языковых выражений с конкретной референцией. В таком случае принято говорить о том, что существование предмета является пресуппозицией высказывания [Падучева, 1985, с. 69–87; Шмелёва, 1988, с. 15].

Во-вторых, если говорящий исходит из того, что предмет не известен адресату, то высказывание организовывается таким образом, чтобы адресат мог интерпретировать его как сообщение о существовании этого предмета. Такие высказывания часто называются интродуктивными [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 55]. В этом случае существование является не пресуппозицией, а частью ассерции, т. е. сообщаемой в высказывании информации. Особенностью таких высказываний является то, что в их ассерции сочетаются два вида информации: сообщение о существовании предмета и указание на характерные для него свойства или его отношение к другим предметам действительности.

Оба вида ситуаций могут возникать при употреблении в речи высказываний, репрезентирующих одно и то же предложение. Так, высказывания (2.1)–(2.4) содержат пресуппозицию о существовании книги, а высказывания (3.1)–(3.4) содержат сообщение о существовании книги, которая конкретизируется посредством отношений, в которых она состоит с другими предметами действительности:

- (2.1) *Эта книга в шкафу.*
- (2.2) *Эта книга у меня.*
- (2.3) *Я прочитал эту книгу.*
- (2.4) *Эту книгу написал я.*

- (3.1) *В шкафу есть книга.*
- (3.2) *У меня есть книга.*
- (3.3) *Я прочитал одну книгу.*
- (3.4) *Я написал новую книгу.*

При этом значения местонахождения, обладания, восприятия и воздействия, выражаемые структурой предложений, лежащих в основе этих вы-

сказываний, в обоих случаях остаются неизменными. Таким образом, значение существования в данном случае возникает на уровне формирования высказывания, отражающем приспособление предложения к потребностям коммуникации, и может описываться в рамках коммуникативной парадигматики предложения. В этом плане оно оказывается тесно связанным с употребляемыми в коммуникативном синтаксисе понятиями *данное* (*given*) и *новое* (*new*) [Ковтунова, 2002, с. 42–47].

Существенным фактом является то, что возможность противопоставления вариантов, указывающих на разный экзистенциальный статус задействованных в ситуации предметов, не является уникальным свойством бытийных предложений, как может показаться из работ, в которых бытийные предложения рассматриваются изолированно от общей синтаксической системы языка [Арутюнова, 1976; Арутюнова, Ширяев, 1983]. Противопоставление существования и местонахождения как разновидностей бытийных предложений является частным случаем общего механизма формирования значения высказывания, в основе которого лежит не значение, определяемое предложением как единицей языка, а характер взаимодействия между высказыванием, обозначаемой им действительностью и потребностями коммуникации.

3. Существование в коммуникативной парадигме бытийной типовой синтаксической структуры

В рамках традиции моделирования структуры и семантики предложения высказывания типа (2.1) и (3.1) рассматриваются как речевые репрезентации бытийного элементарного простого предложения (ЭПП). Средства, при помощи которых формируется план содержания бытийного ЭПП в каждом конкретном языке, могут варьироваться, однако его структура отражает структуру бытийной пропозиции и поэтому включает три компонента, соответствующие субъекту, локализатору и предикату. Функционирование синтаксического построения в более широком плане описывается типовой синтаксической структурой (ТСС) – устойчивым синтаксическим построением с прототипическим значением [Кошкарёва, 2015, с. 15]. Бытийная ТСС – это ТСС, прототипическим значением которой является бытийная пропозиция, а прототипической реализацией – бытийное ЭПП. Она также состоит из трех компонентов, соответствующих компонентам бытийной пропозиции. Бытийные ТСС разных языков могут рассматриваться как эквивалентные, что, однако, не делает их эквивалентными с точки зрения структуры, семантики и функций.

Противопоставление между высказываниями (2.1) и (3.1) может рассматриваться как одно из фундаментальных противопоставлений, формирующих коммуникативную парадигматику бытийной ТСС и, соответственно, всех образуемых на его основе предложений. Коммуникативное варьирование отражает участие высказывания в процессе коммуникации и не затрагивает предметного содержания лежащего в основе высказывания предложения. Коммуникативные варианты предложения могут рассматриваться как результат взаимодействия структуры предложения и коммуникативной структуры – двухстороннего знака, описывающего отношения между формальными средствами варьирования предложения (порядком составляющих, интонацией, различными лексическими и морфологическими средствами и т. д.) и коммуникативно-релевантными свойствами, приписываемыми компонентам предложения [Янко, 2001, с. 34].

Так как в разных языках при формировании плана выражения коммуникативной структуры задействованы разные средства, то для составления классификации коммуникативных вариантов, применимой к материалам разных языков, необходимо рассмотрение типов высказываний, обусловленных планом содержания их коммуникативных структур.

3.1. Принципы построения коммуникативной парадигмы предложения

Анализ плана содержания коммуникативной структуры требует понимания того, какое представление участники коммуникации имеют об описываемой высказыванием ситуации и задействованных в ней предметах. В то время как на уровне предложения ситуация и ее участники репрезентируются схематично в форме пропозиции, в конкретном высказывании компоненты пропозиции соотносятся с реальными или мыслимыми ситуациями и предметами. В этом плане коммуникативный вариант занимает промежуточное место между высказыванием и предложением, так как его план содержания является обобщением множества ситуаций, объединенных одинаковым представлением участников коммуникации о коммуникативном статусе их компонентов. В связи с этим мы считаем оправданным употребление при описании коммуникативного варьирования предложения термина «пропозиция» и наименований компонентов пропозиции («субъект», «локализатор», «предикат»), подразумевая под этим, что коммуникативный вариант отражает определенную точку зрения говорящего на обобщаемые пропозицией факты действительности.

Такое понимание термина «пропозиция» позволяет анализировать текст и окружающий его контекст как совокупность постоянно появляющихся и модифицируемых пропозициональных смыслов, образующих мир дискурса (*universe of discourse* [Lambrecht, 1994, p. 36]). Информационную значимость каждого высказывания можно описать через противопоставление мира дискурса до и после его произнесения, т. е. как совокупность пропозиций, добавленных им в мир дискурса, и изменений пропозиций, существовавших в мире дискурса до него.

Типология коммуникативных вариантов, учитывающая то, каким образом высказывание дополняет предшествующие знания адресата о ситуации, предложена П. Адамцем [1966]. В ней противопоставляются высказывания, описывающие ранее неизвестные ситуации (общеинформативные), дополняющие информацию об известной ситуации за счет введения в нее новых компонентов (частноинформативные), указывающие на истинность или ложность известной ситуации (общеверификативные) или достоверность определения задействованных в ней компонентов (частноверификативные). Переводя эту типологию в термины пропозиционального содержания, можно утверждать, что для любой пропозиции, входящей в план содержания высказывания, верно одно из двух: либо она относится к фоновым знаниям участников коммуникации и не несет новой информации, либо в отношении нее сообщается новая информация, которая может быть представлена в виде одного из описанных здесь типов высказываний (табл. 1).

Таблица 1

Типы высказываний
в соответствии с типом сообщаемой ими информацией

Table 1

Types of utterances
depending to the type of information they convey

Статус пропозиции, содержащейся в высказывании, до его произнесения	Тип высказывания по П. Адамцу
не известна	общеинформативный
известна, но не известны некоторые компоненты	частноинформативный
известна, но достоверность поставлена под сомнение	общеверификативный
известна, но достоверность некоторых компонентов поставлена под сомнение	частноверификативный
известна полностью	—

3.2. Основные направления коммуникативного варьирования бытийной типовой синтаксической структуры

Исходя из предложенных принципов анализа, коммуникативная вариативность бытийной ТСС может быть описана таким образом, чтобы учитывать совмещение в ней нескольких пропозитивных смыслов. В качестве первого уровня анализа мы рассматриваем коммуникативный статус статичных пространственных отношений между субъектом и локализатором, так как они находятся на поверхности структуры и позволяют группировать реализации бытийной ТСС в соответствии с классификацией П. Адамца. В рамках основных типов высказываний выделяются подтипы, определенные закономерностями распределения информации между компонентами пропозиции и обусловленные тема-рематической организацией высказывания. Вторым уровнем анализа является выявление возможностей варьирования статуса пропозиции, описывающей существование субъекта.

Мы не ставим перед собой задачу иллюстрировать рассматриваемые коммуникативные варианты примерами, взятыми из реальных текстов, и описывать их план выражения в различных языках, так как предлагаемая классификация представляет собой априорное исчисление потенциально возможных типов высказываний, определенных системой заданных противопоставлений. Сконструированные примеры приводятся в паре с вопросами, формирующими диалог, в котором могло возникнуть рассматриваемое высказывание, и сопровождаются лексическими показателями, подчеркивающими известность или неизвестность некоторых компонентов. Полуужирным шрифтом выделена рематическая часть высказывания.

3.2.1. Общеинформативные коммуникативные варианты

Основанием для классификации общеинформативных высказываний является выбор в структуре пропозиции компонентов, рассматриваемых как отправная точка формирования мысли, как то, по отношению к чему или на фоне чего сообщается информация, описываемая пропозицией. Такие компоненты составляют тему высказывания.

Для высказываний, в которых темой является субъект, наиболее характерно появление в качестве субъекта конкретных предметов, существование которых общеизвестно или установлено в контексте:

- (4) [*Что можно сказать о твоих книгах?*]
*Мои книги **стоят в шкафу*** (ОИ1) ¹.

Тем не менее возможны контексты, в которых субъект оказывается новым предметом, в частности, если он вычленяется из заданного контекстом множества (5). Такие высказывания образуются при участии контраста – модифицирующего коммуникативного значения, связанного с противопоставлением между компонентом ситуации и множеством других потенциальных ее участников [Янко, 2001, с. 46–47]. Аналогичные высказывания могут формироваться при использовании дейктических средств, позволяющих ввести в дискурс предметы, находящиеся в непосредственном окружении участников коммуникации (6).

- (5) [*Что можно сказать о книгах?*]
*Одна книга **стоит в шкафу*** (ОИ2).

- (6) *Эта книга [берёт в руки книгу] **стоит в том шкафу** [указывает на шкаф]* (ОИ2).

При теме-локализаторе частотны оба варианта статуса субъекта:

- (7) [*Что можно сказать об этом шкафу?*]
*В этом шкафу **стоят мои книги*** (ОИ3).
*В этом шкафу **стоит одна книга*** (ОИ4).

Наконец, может быть выделен тип высказываний, в которых отсутствует тема (8) или в качестве темы выбраны компоненты, внешние по отношению к структуре пропозиции (9). Такие высказывания обычно реализуются только в специальных контекстах, например, в качестве зачина, где они могут использоваться для одновременного объявления существования и субъекта, и локализатора.

- (8) [*Что происходит?*]
*[Однажды] **одна книга стояла в шкафу*** (ОИ5).

- (9) [*Что ты там видишь?*]
*[Я вижу, что здесь] **в шкафу стоят книги*** (ОИ5).

¹ В скобках после высказывания указывается код, состоящий из краткого обозначения типа высказывания и порядкового номера, который предназначен для соотнесения примеров с классификацией типов высказываний в табл. 2.

3.2.2. Частноинформативные коммуникативные варианты

Основным содержанием частноинформативных высказываний является установление соответствия между неизвестным компонентом ситуации и представлением о некотором предмете действительности, что может быть сформулировано в виде предложения идентификации. Соответственно, в основе классификации таких высказываний лежит выбор компонента пропозиции, который участвует в идентификации.

Для идентификации субъекта может быть выбран как известный собеседнику предмет, так и предмет, существование которого утверждается в самом высказывании:

- (10) [*Что стоит в шкафу?*]
В шкафу стоит какая-то книга (ЧИ1).
В шкафу стоит моя книга (ЧИ2).

При идентификации локализатора для субъекта наиболее естественно обозначать известные реалии (11). Тем не менее, по аналогии с общеинформативными высказываниями, возможны ситуации, в которых субъект представляет собой новый предмет, выделяемый из множества других объектов (12).

- (11) [*Где стоит твоя книга?*]
Моя книга стоит в шкафу (ЧИ3).
(12) [*Где стоят книги?*]
Одна книга стоит в шкафу (ЧИ4).

3.2.3. Общеверификативные коммуникативные варианты

Содержанием общеверификативных высказываний является суждение о соответствии между пропозицией и действительностью. Они делятся на те, которые подтверждают или отрицают это соответствие.

В общеверификативных высказываниях чаще всего рассматриваются конкретные предметы, существование которых не подвергается сомнению (13). В таком случае и утверждение, и отрицание указывают на наличие или отсутствие пространственных связей у предмета, но не влияют на представление о его существовании.

- (13) [*Стоят ли в шкафу твои книги?*]
*В шкафу (действительно) **стоят** мои книги* (ОВ1).
*В шкафу **не стоят** мои книги* (ОВ1).

В случае рассмотрения пространственных отношений неконкретизированных объектов определенного класса (14) верификация распространяется на существование субъекта: подтверждение означает, что существуют реальные предметы, удовлетворяющие заданным условиям, а отрицание – что таких предметов не существует.

- (14) [*Стоят ли в шкафу какие-нибудь книги?*]
*В шкафу (действительно) **стоят** книги* (ОВ2).
*В шкафу **не стоят** книги / **нет** книг* (ОВ2).

3.2.4. Частноверификативные коммуникативные варианты

В частноверификативных высказываниях рассматривается истинность идентификации компонента пропозиции с определенной реалией. Соответственно, основанием для их классификации является как выбор компонента пропозиции, идентификация которого ставится под сомнение, так и то, к какому заключению об истинности этой идентификации приходит говорящий.

При рассмотрении идентификации субъекта набор вариантов эквивалентен вариантам общевеерификативных высказываний: в зависимости от степени конкретизированности субъекта его существование рассматривается либо как установленное заранее и неизменное (15), либо как зависимое от истинности всей ситуации (16).

- (15) [*В шкафу стоят твои книги?*]
*В шкафу (действительно) **стоят** мои книги* (ЧВ1).
*В шкафу **стоят не мои книги**, [а твои]* (ЧВ1).
- (16) [*В шкафу стоят книги?*]
*В шкафу (действительно) **стоят** книги* (ЧВ2).
*В шкафу **стоят не книги**, [а посуда]* (ЧВ2).

Если рассматривается идентификация локализатора, то так же, как в частноинформативных высказываниях, существование субъекта не зависит от высказывания, если рассматривается конкретный субъект (17), но возможны ситуации, в которых субъект является новым предметом, вы-

членяемым из заданного контекстом множества (18). Такие построения периферийны, что выражается в том, что при попытке их отрицания в русском языке образуются общеверификативные высказывания.

(17) [*Твои книги стоят в шкафу?*]

Мои книги (действительно) стоят в шкафу (ЧВ3).

Мои книги стоят не в шкафу, [а на полке] (ЧВ3).

(18) [*Может быть, какие-то книги стоят в шкафу?*]

Некоторые книги (действительно) стоят в шкафу (ЧВ4).

**Никакие книги не стоят в шкафу / В шкафу нет книг.*

Рассмотренные коммуникативные варианты обобщены в табл. 2.

Представленный здесь список не является исчерпывающим. Во-первых, предложенное выделение типов высказываний ориентировано на статус субъекта, в то время как ситуация пространственных отношений симметрична и допускает аналогичный анализ коммуникативных ситуаций с точки зрения существования локализатора. Во-вторых, мы опустили ряд более сложных ситуаций, не представляющих непосредственного интереса с точки зрения репрезентации значения существования. В речи также встречаются высказывания, которые могут рассматриваться как совмещающие функции нескольких типов высказываний (см. анализ примера такой ситуации в [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 65]).

3.3. Существование в системе коммуникативных вариантов бытийной типовой синтаксической структуры

Предложенные здесь принципы анализа коммуникативной вариативности достаточны для описания коммуникативной парадигматики как бытийного ЭПП, так и других типов предложений, строящихся по модели бытийной ТСС или имеющих сходный набор компонентов. Однако при описании коммуникативных систем конкретных языков возникает необходимость введения более крупных единиц, используемых для обобщения ряда коммуникативных вариантов на основании наличия у них общих признаков. В качестве обозначения одной из таких единиц используется термин «существование», однако его объем варьируется в зависимости от выбранного подхода к группировке коммуникативных вариантов.

Таблица 2

Основные коммуникативные варианты бытийной ТСС в зависимости от статуса субъекта

Table 2

Main communicative variants of the typical syntactic structure of existence depending on the status of subject

Тип высказываний		Пресуппозиция	Ассерция	Существование субъекта
Общеинформативные (ОИ)	1	конкретный предмет	он находится в пространстве	не модифицируется
	2	некий предмет		утверждается
	3	пространство	в нём находится конкретный предмет	не модифицируется
	4		в нём находится некий предмет	утверждается
	5	–	в некотором пространстве находится некий предмет	утверждается
Частноинформативные (ЧИ)	1	что-то находится в пространстве	это что-то – некий предмет	утверждается
	2		это что-то – конкретный предмет	не модифицируется
	3	конкретный предмет находится где-то	это где-то – пространство	не модифицируется
	4	некий предмет находится где-то		утверждается
Общевеерификативные (ОВ)	1	в пространстве находится конкретный предмет	это истинно или ложно	не модифицируется
	2	в пространстве находится некий предмет		подтверждается или отрицается
Частновеерификативные (ЧВ)	1	в пространстве находится конкретный предмет	предмет идентифицирован верно или неверно	не модифицируется
	2	в пространстве находится некий предмет		подтверждается или отрицается
	3	в пространстве находится конкретный предмет	пространство идентифицировано верно или неверно	не модифицируется
	4	в пространстве находится некий предмет		подтверждается или отрицается

Первый подход наиболее естественным образом вытекает из предложенного в нашей статье понимания существования. Как следует из табл. 2, рассмотренные типы высказываний могут быть разбиты на три группы в зависимости от того, как они взаимодействуют с существованием субъекта:

- информируют о существовании субъекта (ОИ4, ОИ5, ЧИ1, ЧИ4);
- подтверждают или отрицают существование субъекта (ОВ2, ЧВ2, ЧВ4);
- не затрагивают существование субъекта (все остальные).

Таким образом, реализации бытийной ТСС могут быть разбиты на два класса в зависимости от того, оказывают ли они влияние на знания адресата о существовании субъекта. Такого подхода, в частности, придерживаются Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев при описании коммуникативной парадигмы бытийных предложений, которые они последовательно отличают от локальных [1983, с. 53–68].

В рамках **второго подхода** высказывания группируются по признакам, связанным с организацией их актуального членения. Терминами «существование» и «местонахождение» в таком случае обозначаются группы высказываний, в которых в состав ремы высказывания входит субъект и локализатор соответственно [Кошкарёва, 2018, с. 56]. Для случаев, в которых в рему входит только предикат, используется термин «наличие».

В то время как классификация, основанная на актуальном членении, действительно эффективна при описании способов маркирования ремы, применение терминов «существование» и «местонахождение» в данном случае не представляется удачным, так как отвлекает внимание от сущности актуального членения и приводит к смешению с классификациями первого типа, поддерживая распространенное заблуждение о прямом соответствии между актуальным членением и известностью компонентов предложения [Ковтунова, 2002, с. 42–47]. Кроме того, такая терминология выдвигает на первый план высказывания, в которых устанавливается соответствие между информационным статусом субъекта и его ролью в актуальном членении, которые, как показано в табл. 3, охватывают только часть коммуникативной системы.

Таблица 3

Сопоставление подходов к категоризации коммуникативных вариантов бытийной типовой синтаксической структуры

Table 3

Comparison of approaches to categorization of communicative variants of the typical syntactic existential structure

Тип высказывания	Первый подход	Второй подход
ОИ4, ЧВ2	существование	существование
ОИ5, ЧИ1, ЧИ4, ЧВ4		местонахождение
ОВ2		наличие
ОИ3, ЧИ2, ЧВ1	местонахождение	существование
ОИ1, ОИ2, ЧИ3, ЧВ3		местонахождение
ОВ1		наличие

В основе **третьего подхода** лежит анализ способов выражения коммуникативного варьирования бытийного предложения в конкретном языке. Для этого необходимо выявление системы признаков, характеризующих как план выражения, так и план содержания коммуникативных вариантов данного языка, которая выражается в возможности противопоставить варианты одного и того же предложения, возникающие в различающихся коммуникативных контекстах. Этот подход позволяет учитывать противопоставления, задаваемые внутренним устройством языка, и то, как эти противопоставления накладываются на карту возможных коммуникативных ситуаций.

Термины ряда «существование», «местонахождение» и «наличие» в данном случае могут использоваться для обозначения наиболее значимых коммуникативных вариантов бытийной ТСС, которые группируются вокруг нескольких ядерных ситуаций (ОИ4 или ЧИ1 для существования, ЧИ3 для местонахождения, ОВ1 для наличия), дифференциация которых может потенциально рассматриваться как одна из универсалий коммуникативного уровня языка. При таком подходе значение этих терминов напрямую зависит от организации коммуникативных вариантов конкретного языка и может приближаться к их употреблению в рамках первого или второго подхода в зависимости от того, какой из признаков является более значимым для описания данной системы. В основе этого подхода лежит понимание того, что традиционно сложившееся употребление терминов «бытийные предложения», «высказывания существования», «экзистенци-

альная конструкция» и т. п. не соотносимо с существованием как семантическим явлением, в связи с чем для сохранения этих терминов необходимо признание произвольности их внутренней формы (см., например, [Creisels, 2014, p. 6–8]).

Все три подхода являются эффективными способами категоризации высказываний и выделения общих закономерностей организации коммуникативной системы языка, однако использование терминов «существование» и «местонахождение» приводит к тому, что эти подходы сложно разграничить при анализе работ разных исследователей.

Менее заметной, но также существенной проблемой является то, какие пресуппозиции вносит само использование этих терминов. Во-первых, эта терминология противопоставляет существование и местонахождение, в то время как отношения между ними не симметричны: высказывания существования содержат утверждения как о существовании предмета, так и о его пространственных отношениях, каждое из которых может в зависимости от актуального членения и других факторов выдвигаться на первый план. Во-вторых, при такой интерпретации этого термина область анализа существования как явления ограничивается анализом статуса субъекта бытийных предложений, в то время как взаимодействие с существованием проявляется в функционировании всех синтаксических единиц и любых компонентов, предназначенных для обозначения конкретных предметов действительности.

3.4. Следствия для типологии коммуникативной парадигматики бытийных предложений

Последовательное использование термина «существование» для обозначения конкретных коммуникативных вариантов осложнено тем, что явления, связанные с существованием, занимают разное место в организации коммуникативных систем разных языков. С этой точки зрения можно выделить два типа языков.

В языках первого типа используются конструктивные средства формирования высказываний существования. Хорошо известным примером такого языка является английский, в котором противопоставляются экзистенциальная (19) и локативная (20) конструкции как два подтипа реализации бытийного предложения. Употребление экзистенциальной конструкции в основном коррелирует с ситуациями существования и приводит к формированию широкого круга коммуникативных вариантов

с разной тема-рематической организацией, сохраняющих противопоставление конструкций между собой:

(19.1) *There is a **book** in the bookcase* 'В шкафу есть **книга**'.

(19.2) *There is a book **in the bookcase*** 'Книга есть **в шкафу**'.

(19.3) *There **is** a book in the bookcase* 'В шкафу **есть** книга'.

(20.1) ***My book** is in the bookcase* 'В шкафу находится **моя книга**'.

(20.2) *My book is **in the bookcase*** 'Моя книга находится **в шкафу**'.

(20.3) *My book is in the bookcase* 'Моя книга **находится** в шкафу'.

Для языков второго типа не характерно участие в коммуникативном варьировании формальных маркеров существования субъекта. К таким языкам можно отнести русский, хантыйский [Плотников, 2023] и тюркские языки Южной Сибири [Серээдар и др., 1996]. Для них наиболее фундаментальным является противопоставление коммуникативных вариантов, основанное на компонентах, попадающих в позицию ремы, что в случае названных языков отражается в линейно-интонационной организации высказывания.

Наличие специализированных средств выражения значения существования позволяет рассматривать экзистенциальный статус субъекта как признак, раздваивающий систему коммуникативных вариантов бытийного предложения в языках первого типа. При описании коммуникативного варьирования бытийных предложений в языках второго типа этот признак не актуален. Однако это разделение условно, так как, с одной стороны, не все конструкции первого типа употребляются исключительно в ситуациях существования, и, с другой стороны, существование может оказаться важным для интерпретации некоторых периферийных явлений в языках второго типа, например, для анализа принципов употребления нулевой связки в русском языке [Мелиг, 2004].

Следовательно, использование при анализе коммуникативной парадигматики любых жестких вариантов терминологии, связанной с идеей существования, ограничивает возможности описания и сопоставления языков с разной организацией дифференциальных признаков. Это обуславливает необходимость применения подхода, в котором коммуникативная система данного языка описывается путем исчисления коммуникативных вариантов и коммуникативных ситуаций, в которых допустимо их употребление, с учетом существования как одного из потенциально релевантных признаков ситуации.

Заключение

Таким образом, разнообразие подходов к использованию термина «существование» приводит к неоднозначной интерпретации явлений, лежащих на стыке семантики, прагматики и коммуникации.

В основе нашего подхода лежит понимание существования как компонента синтаксической семантики, составляющего одну из разновидностей статальной пропозиции. Базовым средством выражения существования являются специализированные высказывания типа *X существует*, однако их употребление в речи ограничено. Чаще всего существование выражается имплицитно как вторичное значение высказываний, описывающих отношение существующего предмета к другим предметам действительности, и может входить как в пресуппозицию, так и ассерцию высказывания. В этом контексте закономерно рассматривать статус существования участников ситуации, описываемой в высказывании, как одно из противопоставлений, формирующих коммуникативную парадигматику предложения. При описании коммуникативной парадигмы бытийных высказываний существование субъекта может описываться как признак, независимый от места субъекта в тема-рематической организации коммуникативного варианта. Наличие формальных способов выражения этого признака является одной из типологически значимых характеристик устройства коммуникативных парадигм бытийных предложений разных языков.

Применение предложенных здесь терминологии и принципов коммуникативного анализа, по нашему мнению, способствует последовательной и непротиворечивой категоризации фактов разных языков и тем самым построению типологии коммуникативного варьирования бытийной ТСС.

Список сокращений

ОВ – общеверификативный тип высказываний; ОИ – общеинформативный тип высказываний; ТСС – типовая синтаксическая структура; ЭПП – элементарное простое предложение; ЧИ – частноинформативный тип высказываний; ЧВ – частноверификативный тип высказываний

Список литературы

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 101 с.

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Рус. яз., 1983. 198 с.
- Ковтунова И. И.* Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: УРСС, 2002. 240 с.
- Кошкарёва Н. Б.* Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.
- Кошкарёва Н. Б.* Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65
- Мелиг Х. Р.* Оппозиция «*есть* vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М.: ЯСК, 2004. С. 437–450.
- Плотников И. М.* Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 1985. 296 с.
- Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.
- Шмелёва Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. 54 с.
- Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. 383 с.
- Creissels D.* Existential predication in typological perspective. 2014. URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf>
- Lambrecht K.* Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1994. 388 p.

References

Adamec P. Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke [Word order in modern Russian language]. Prague, Academia, 1966, 101 p. (in Russ.)

Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka, 1976, 383 p. (in Russ.)

Arutyunova N. D., Shiryaev E. N. Russkoe predlozhenie. Bytiynyi tip: struktura i znachenie [Russian sentence. Existential type: structure and meaning]. Moscow, Russkii yazyk, 1983, 198 p. (In Russ.)

Creissels D. Existential predication in typological perspective. 2014. URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf>

Koshkareva N. B. Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinits yazyka i rechi [Typical syntactic structure in languages of different systems as reflection of language and speech units]. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 14–26. (in Russ.)

Kovtunova I. I. Sovremenniy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Modern Russian: Word order and actual articulation of a sentence]. Moscow, URSS Publ., 2002, 240 p. (in Russ.)

Lambrech K. Information structure and sentence form. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1994, 388 p.

Mehlig H. R. Oppozitsiya “*est'* vs. nulevaya forma” v russkikh bytiynykh predlozheniyakh pri otnesenosti k konkretno-predmetnym referentam: сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке [The opposition “*est'* vs. zero form” in Russian existential sentences when referred to specific subject referents: Comparison with the corresponding construction with the verb *haben* in the German language]. In: Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura [Inner meaning. Word. Text. Culture]. Collection of articles in honor of N. D. Arutyunova. Moscow, LRC Publ., 2004, pp. 437–450. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s deistvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [The utterance and its correlation with reality: referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI, 1985, 296 p. (in Russ.)

Plotnikov I. M. Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 269–285. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/21

Sereedar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozhenii nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutsviya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [Structural and semantic organization of sentences of presence, localization, quantity and absence in the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, NSU Press, 1996, 82 p. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsii iz kursa “Sovremennyi russkii yazyk” [Semantic syntax: Text of lectures from the course on the Modern Russian language]. Krasnoyarsk, KSU Press, 1988, 54 p. (in Russ.)

Yanko T. E. Kommunikativnye strategii russkoi rechi [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, LRC Publ., 2001, 383 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Илья Михайлович Плотников, младший научный сотрудник

Information about the Author

Ilya M. Plotnikov, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024
The article was submitted on 30.01.2024;
approved after reviewing on 20.02.2024; accepted for publication on 20.02.2024*